

АННА
РОССИУС

Семья
НАПРОКАТ

ЧУВСТВА ПОД ЗАПРЕТОМ

Анна Россиус
Семья напрокат.
Чувства под запретом
Серия «Чужих детей не бывает»

<https://litres.ru/73376598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте – ваш муж сутками торчит у компа и набрал кучу долгов, властная свекровь не даёт дышать, маленькому сынишке нужна дорогостоящая реабилитация после травмы. А вы – обычная учительница младших классов со скромной зарплатой!

Справились бы или опустили руки?

Виктория не унывает и старается набрать побольше учеников.

Кажется, что чуда ждать неоткуда. Как вдруг отец маленькой ученицы, суровый и обычно молчаливый бизнесмен Матвей Немиров предлагает «безобидную» аферу.

Это очень не понравится деспотичным родственникам Вики. Зато приведет в восторг двух шкодливых детишек!

Главное правило для Вики и Матвея – чувства под запретом. Но кто же о нём вспомнит, когда их история начинает походить на сказку?

Книга пишется в рамках литмоба "Чужих детей не бывает"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Россиус

Семья напрокат.

Чувства под запретом

Глава 1

Я просыпаюсь сама, не по будильнику, за пять минут до того, как он должен прозвонить. Тело ноет, будто меня всю ночь крутили в стиральной машинке.

Вчера после основной работы было трое учеников. Три квартиры в разных районах, три маршрута туда-сюда. Приползла домой поздно, еле живая, падая от усталости.

Из коридора доносятся тихие, шаркающие шаги – сынок проснулся. Мой семилетний ребёнок, который, прихрамывая, научился ходить по дому тише мыши, чтобы не разбудить папу.

– Мам? – раздаётся шёпот из-за двери. – Я чайник включил.

У Кирюши до сих пор сильно болит нога после перелома, но он встаёт раньше всех, чтобы вскипятить для меня воду! Знает, что утром дорога каждая минутка.

– Спасибо, солнышко, – шепчу, расчувствовавшись. – Сейчас приду.

По пути в ванную приоткрываю дверь в спальню – Антон храпит в подушку. Опять допоздна «работал» за компом? У кресла обычный склад пустых пивных банок.

Мы больше года не спим вместе. Обычно муж ложится под утро, когда мне уже пора вставать на работу. Поэтому мы с сыном делим детскую, а папа обитает в спальне. Она же его игровая и кабинет.

Быстро наливаю себе кофе с молоком и готовлю омлет. Пока малыш завтракает, бегу в ванную. На душ и простую укладку – пятнадцать минут. Если бы электрички ходили почаще! Добраться в час пик из заМКАДья в столицу – приключение не из приятных.

Греет мысль, что скоро отпуск и несколько недель не нужно будет вставать в такую рань.

Не успеваю привести себя в порядок – сюрприз.

– Кирюша, бабушка пришла! Иди обнимешь!

Мама мужа, Изольда Геннадьевна собственной персоной. Высокая, статная, моложавая. Окидывает меня своим фирменным снисходительно-презрительным взглядом.

Она живет в соседнем доме и заходит в нашу квартиру, как к себе домой – в любое время дня и ночи. Ключи у неё, естественно, есть.

Но сейчас у Кири каникулы, и я ей очень благодарна, что присматривает за ним.

Кирюша выбегает, припадая на больную ногу, обнимает ее, и на секунду лицо Изольды Геннадьевны смягчается. Она

искренне любит внука. Просто меня за человека не считает.

– Опять проспала, Королева Виктория? – не поздоровавшись, бросает она. – Зашла вчера вечером к Антоше, а там такой бардак! Ты убираешься, вообще? Мой сын работает в таких условиях... Или тебе важнее по чужим домам мотаться?! Ребенка забросила!

Я молчу, иначе будет только хуже. Оправдываться перед моей властной свекровью – всё равно что плевать против ветра. Ну и в чем-то она, всё же, права.

Кирюша возвращается за стол, вытянув больную ножку, и с аппетитом доедает омлет. Улыбается мне – широко, без тени обиды, хоть я действительно в последние пару месяцев прихожу домой только ночевать и ребенку не хватает общения. Его взгляд такой взрослый, пронизательный. Слишком для семи лет.

Допиваю залпом кофе.

– Мам, вчера доктор сказал, что я скоро побегу. Правда?

– Правда, зайчик. Обязательно.

Врачи в районной больнице замечательные, они помогают моему мальчику по мере сил и возможностей. Но возможности для реабилитации в частном Московском медцентре куда больше. Поэтому я и бьюсь словно рыба об лёд, стараясь скопить побольше денег и перевести Кирюшу туда.

Одеваюсь быстро. Юбка-карандаш, блузка с заштопанным швом под мышкой, туфли на низком каблуке – ноги отекают к вечеру. В зеркале уставшая женщина неопределенно-

го возраста с тенями под глазами. Мне двадцать пять, а я выгляжу, мне кажется, старше свекрови.

Сынок обнимает меня у двери. Крепко, потому что знает – мне его объятия нужны как воздух. У нашей семьи сейчас нелёгкие времена, но мы всё преодолеем! Всё ради этой улыбки и ласкового «мама»!

– Удачи, мамуль. Я буду тебя ждать.

Школа — это моё всё. Старейшая гимназия в одном из спальных районов Москвы, с дореволюционной историей, высоченными потолками и такими же высокими требованиями.

Как бы ни было трудно совмещать основную работу и репетиторство, я люблю свою профессию и наш коллектив.

Потому что здесь я не Вика, жена неудачника и сноха монстра. Здесь я – Виктория Вадимовна, классный руководитель 2 «Б», которого дети обожают, а родители и начальство ценят.

Еще месяц назад я не сомневалась - Кирюшка пойдет сюда в сентябре в первый класс. Мы скопили на первый ипотечный взнос и собирались переехать ближе к школе. Но тут вдруг, словно гром среди ясного неба - новость. Денег нет, Антон неудачно их вложил в какие-то акции. Так еще мало того, он залез в долги.

Что делать? Откуда деньги брать? Ипотека, долги, Кирюшкин перелом, равнодушный к нашим проблемам муж... Такое отчаяние иногда охватывает.

Но переступаю порог школы, и жизнь уже не кажется такой беспросветной. Меня встречают семнадцать малышей, которых я нежно люблю – семнадцать причин улыбаться, даже когда внутри пустота.

Сегодня у меня еще двое частных учеников.

В обед достаю телефон, проверяю расписание. Как раз звонит мама одного из них:

– Виктория Вадимовна, здравствуйте, – голос в трубке виноватый. – Это мама Сережи. У нас форс-мажор, сегодня урок отменяем.

Это плохо. Отмена — это минус две тысячи, которые вообще не были бы лишними. Но вслух говорю бодро:

– Ничего страшного, конечно.

Занятия со вторым ребенком в силе. Но хорошо бы их перенести на полтора часа раньше. Звоню няне шестилетней Зои.

Ольга Сергеевна – милейшая женщина. Мы с ней сработались сразу. Я неоднократно отпускала ее по делам, сидела с девочкой дольше положенного. Она у меня, можно сказать, в долгу. Попробую договориться с ней о переносе времени, хоть наш работодатель, бизнесмен Немиров, смены в расписании не одобряет.

Отец малышки Зои – очень суровый и вечно занятой человек.

Лично никогда с ним не встречалась, потому что у них в доме строгое правило – весь обслуживающий персонал, кро-

ме няни, должен работать исключительно в его отсутствие.

Когда впервые увидела его фотографии в детской, даже залюбовалась – интеллигентный, привлекательный мужчина лет тридцати в строгом костюме, причёска – волосок к волоску. А вот маминых фото нигде нет. За маму у Зои – няня.

Ольга сергеевна такому повороту событий даже рада:

– Ой, Вика, конечно! – радуется она и добавляет шёпотом: – Матвей Алексеевич сегодня будет поздно, я как раз на фермерский рынок собиралась, это не близко. Переживала, что Зою с собой тащить придется. А тут ты! Приезжай, я тебя очень жду.

Настроение взлетает до небес – успеем с Кирюшкой вечером сходить в парк.

Мечтательно улыбаюсь, складывая всякие мелочи в сумку. Хоть что-то сегодня складывается.

Но по закону подлости всё как обычно идёт наперекосяк.

Выхожу из метро и в растерянности замираю. В первую секунду кажется, что небо рухнуло на землю – на улице темно, как поздним вечером, тучи висят низко и ливень, как из ведра.

Зонта у меня с собой, естественно, нет. В прогнозе погоды на сегодня не было этого апокалипсиса, и я не подготовилась!

Делать нечего, придется бежать под дождём. Первые секунды кажется, что ничего страшного. Подумаешь, вода. Но уже через минуту волосы намокают насквозь, блузка прили-

падет к телу, юбка тяжелеет и противно хлопает на бедрах.

Уже вижу нужный дом и шлагбаум. Перебегаю дорогу на зеленый – и тут эта идиотская машина!

Не сбавляя скорости, проезжает прямо через лужу у тротуара. Волна брызг вырывается из-под колес, не успеваю увернуться!

Делаю глубокий вдох. Иду дальше. Потому что выбора нет.

Клубный дом, в котором живут Немировы – это даже не дом, это крепость. Высокий забор, шлагбаум, охрана на въезде, отдельный пост у дверей. Я занимаюсь с Зоей не первый месяц, но никак не привыкну к подобной роскоши – всякий раз заходя с эти ворота, чувствую себя самозванкой.

А сейчас, в таком-то виде, меня и вовсе не пустят!

Подхожу к стеклянной двери, за которой сидит консьерж в строгой форме. Молодой парень, всегда вежливый. Сегодня поднимает голову, смотрит на меня недоуменно, и его лицо вытягивается.

Не узнает.

Оно и понятно. Я, видимо, похожа на бомжа, которого вытащили из канализации. Мокрая, грязная, с разводами на одежде. Вода стекает на пол, образуя лужу у моих ног.

Он всматривается.

– Виктория Вадимовна?

– Да, – выдавливаю улыбку. – Попала под дождь.

Консьерж сомневается пару секунд. Потом кивает и нажи-

мает кнопку, открывая дверь.

– Проходите.

Иду через холл, оставляя за собой мокрый след на мраморном полу. Хочется провалиться сквозь землю. Хоть бы Ольга Сергеевна не ошиблась, и хозяев не оказалось дома!

По-хорошему, надо бы позвонить и отменить сегодняшнее занятие. Но раз уж я здесь...

Няня – милотвидная полненькая женщина со светлым каре, открывает дверь и ахает.

– Господи, что с тобой?

– Дождик, – бормочу, переступая порог. – И машина из лужи окатила...

Зоя радостно подпрыгивает рядом, хватая меня за руки! Вот это приключение!

– Иди быстро в ванную. Найду тебе что-нибудь из одежды.

– Но Матвей Алексеевич же не разрешает, когда посторонние...

– Матвей Алексеевич вернется нескоро. Иди, иди. Вон губы синие, не простыть бы теперь! Одежду давай в стирку и сушку.

Заталкивает меня в ванную комнату – огромную, с белым мрамором, зеркалами во всю стену и душевой, которая больше всей нашей спальни. Я здесь еще не была. Я раньше пользовалась другой, поскромнее. Эта, видимо, хозяйская.

Надеялась, что достаточно будет высушить волосы и одежду. И если бы не грязная лужа, этим и ограничилось бы.

Теперь придется стирать блузку с юбкой и мыть голову.

Отдаю вещи няне и лезу под душ. Через несколько минут раздается стук в дверь и голос:

– Вика, я уехала. Зоенька ждет тебя в гостиной. В случае чего – звони. Халат свой я тебе здесь на стуле оставила, на день пока твоё не высохнет.

– Хорошо, Ольга Сергеевна! Спасибо!

Ну вот, вроде всё обошлось. Сейчас позанимаемся, поиграем. Дождусь Ольгу Сергеевну и поеду к Кирюше.

Снова включаю воду.

Это, честное слово, рай! Если и не рай, то точно какой-то другой мир, не имеющий ничего общего с моим.

Горячая вода смывает усталость. Я стою под струями и чувствую, как мышцы расслабляются, а тревоги отступают на второй план. Минута. Пять. Десять.

Выходить не хочется, но я себя буквально заставляю. И так слишком много себе позволила в хозяйском доме.

Вытираюсь торопливо. Как могу быстро сушу густые длинные волосы мощным феном.

Судя по звонкому смеху, доносящемуся со стороны гостиной, Зоя по-прежнему смотрит там мультики.

Нехорошо, если малышка увидит учительницу в одном полотенце на голое тело. Расскажет еще папе, не дай Бог.

Перед тем, как выйти из ванной, еще раз прикладываю ухо к двери. Всё нормально, препятствий на пути к стулу, на котором мне оставили халат, быть не должно.

Поправляю полотенце, затягиваю его на груди потуже, и выхожу их ванной.

В просторном коридоре темно, только из-под двери гостиной выбивается луч света. Глаза к контрасту никак не привыкнут, ничего не вижу. Ну где этот стул, про который говорила Ольга Сергеевна?

Вдруг дверь в хозяйскую спальню открывается и на пороге появляется очень высокий широкоплечий мужчина.

На нем брюки и расстёгнутая на все пуговицы белоснежная рубашка, открывающая рельефный торс. По животу и груди, почти до самого горла – татуировки. Весь его вид меня пугает и погружает в состояния какого-то транса. Стою и шевельнуться не могу.

Мы замираем оба. Не знаю, о чем думает в этот момент он, но я – в полнейшем ужасе.

От сканирующего мужского взгляда хочется вжаться в стену. Он медленно скользит по мне сверху вниз. От лица и струящихся по плечам волос. По пушистому полотенцу к бедрам, голым ногам, и влажная кожа тут же покрывается мурашками.

Таращусь, пытаюсь понять – тот ли это человек с фото, отец Зои?

Вроде он, но впечатление производит совершенно другое. Интеллигентное, симпатичное лицо с правильными чертами? Возможно. Но сейчас от него веет мраком. Я явно ощущаю исходящую угрозу. Хочется развернуться и бежать...

Но мрак мгновенно рассеивается, стоит появиться малышке.

Зоя, словно ураган, проносится мимо меня и прыгает отцу на руки...

Глава 2

С того неловкого знакомства прошло две недели. Но до сих пор вспоминать неприятно. Не уволили за то, что разгуливала по хозяйским апартаментам голышом, и слава Богу.

Я тогда на нервах сбивчиво попыталась разъяснить ситуацию, но господину Немирову это было неинтересно. Он выслушал с непроницаемым лицом, кивнул и удалился. Всё. Во время наших следующих уроков его дома не было.

Зато он начал преследовать меня во снах. В жутких, реалистичных, пугающих. То вышвыривает меня из своей квартиры. То бросает в грязную, чернющую как дёготь лужу, и я в ней тону. То уличает в краже и запирает в тюрьме.

А сегодня Немиров приснился мне за рулем огромного внедорожника, который на полной скорости несся прямо на меня! Проснулась в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем!

Почему я вижу во сне постороннего человека, о котором днём даже не думаю? И когда это, наконец, прекратится?!

Сегодня у меня первый день отпуска. Вставать рано и топтать на электричку не нужно. Я, не торопясь собираюсь и иду в супермаркет за продуктами, чтобы потом приготовить что-нибудь особенное. Такое, на что обычно не хватает времени.

Есть же счастливые женщины, за которых тяжести таскают мужья? Жаль, это не про меня.

Пакеты с продуктами тяжелые, ручки врезаются в ладони. Я затаскиваю их в прихожую, ставлю у порога, чтобы разобрать потом. Скидываю ветровку и растираю занемевшие пальцы.

Из спальни доносится храп – Антон досыпает после ночи за компьютером. Я прохожу мимо его закрытой двери и заглядываю в детскую. Кирюша сидит на полу, вокруг него разложены детали из фанеры и фломастеры. Он сопит сосредоточенно, пытается соединить две планки.

– Мам, смотри, – поднимает голову. – Я подставку для ручек делаю. Сам придумал. Но просунуть эту штуку вот сюда никак не получается!

Я присаживаюсь рядом на корточки, разглядываю конструкцию. Неуклюжая, корявая, но видно, что старался.

– Папе хочу подарить, – добавляет тихо. – У него на столе вечно бардак. А в этой подставке всё будет лежать аккуратно.

Из спальни выходит Антон. Опухший, лохматый, в растянутой футболке. Смотрю и не верю, что это тот самый парень, за которого я когда-то вышла замуж! Некогда красивое лицо расплылось, и от былой привлекательности не осталось и следа. Вообще, он очень даже ничего, когда соблюдает режим, чаще отрывает зад от стула и не путает день с ночью. Но не сейчас...

Муж шаркает на кухню, даже не взглянув в нашу сторону. Слышу, как хлопает холодильником, открывает бутылку и пьёт воду.

– Пап, — Кирюша идёт к нему, чуть заметно припадая на ногу. — Помоги, пожалуйста. Тут детальки надо соединить, а у меня...

– Не сейчас, — бросает Антон.

Выхожу к ним.

Кирюша не сдаётся. Стоит рядом, теребит край его футболки.

– Ну пап, я хотел тебе подарок сделать. Подставку на стол, помнишь, ты говорил, что некуда ручки класть?

Антон смотрит на поделку с раздражением, переводит взгляд на сына.

– Я в твоём возрасте с такими задачами сам справлялся, — говорит. — А ты даже элементарное не можешь.

Кирюша молчит. Смотрит в пол.

– Иди, — Антон машет рукой.

– Я же для тебя старался... — голос у сына срывается.

– Не приставай. Нафиг мне эта подставка?

Кирюша разворачивается и уходит в детскую. Через секунду оттуда доносится стук — что-то упало. Наверное, зашвырнул в сердцах свою поделку.

Я стою в коридоре, сжимая ключи так, что они впиваются в ладонь.

– Зачем ты так? — тихо спрашиваю.

Антон зевает, потягивается.

– А что я сказал? Ребенок не должен быть беспомощным. Ты из него неженку растишь.

Он уходит обратно в спальню, и мне становится легче дышать. В такие моменты мне хочется взять его за грудки и встряхнуть хорошенько. Но вряд ли это что-то для нас изменит.

Вытираю ладонью выступившую слезинку и заглядываю к Кириллу. Сын сидит на полу, разбирает детали. Глаза заметно покраснели, шмыгает носом.

К равнодушию и грубости мужа по отношению ко мне — давно привыкла. Но за ребенка жутко обидно, он ни в чем не виноват.

— Я сам, — говорит, не поднимая головы. — Не надо помогать.

Сажусь на пол рядом, прислонившись спиной к кровати.

— Он не хотел тебя обидеть, — говорю наконец. — Просто встал ни с той ноги.

Кирюша молчит долго. Потом поднимает глаза:

— Нет мам. Просто мы ему не нужны. За другими детьми из моей группы приходят папы. И на праздники в саду, и на экскурсии.

Он откладывает детали, встает, топает к окну. По-взрослому задумчиво смотрит на серое небо, на унылые пятиэтажки.

Я не знаю, что на это ответить, как смягчить. Он сравнивает нашу семью с другими и видит разницу.

Я открываю рот, чтобы приободрить. Рассказать, что Антон не всегда был таким. Что любил нас и заботился, как мог.

Но это в прошлом. В какой-то момент ему в реальном мире вдруг стало неинтересно, и мы с сыном перестали для него существовать.

Я подхожу, обнимаю со спины, кладу подбородок ему на макушку.

– Всё наладится. Мы же с тобой так стараемся! Обещаю, малыш.

Пока чищу овощи и разделяваю курицу, размышляю о том, что нас с Кирей ждет в ближайшем будущем. Раньше я в него смотрела с оптимизмом. Теперь, когда денег на первый ипотечный взнос больше нет, и взять их в таком количестве неоткуда, оно мне видится исключительно в серых тонах.

Всё оказалось напрасно. Когда остальные родители тратились на приятные покупки и путешествия, я откладывала с школьной зарплаты и денег за репетиторство каждую копейку. Всё ради одного – чтобы поскорее перебраться из этого убогого, опасного городка в столицу и устроить там ребенка в хорошую школу. И всё бы получилось, если бы не самонадеянность мужа!

Время назад не отмотаешь, это понятно. Но ведь обязательно сейчас быть такой скотиной!

Почему Антон не чувствует вину? Почему так холоден с сыном? Почему?!!!

Злость плещется внутри, норовя перелиться через край. Я так поглощена своими мыслями, что не замечаю, как режу острым ножом руку. Вообще не чувствую боли, зато кровь

капает.

– Пусть катится к чертям, финансовый гений фигов! – бросаю в сердцах, обматывая ладонь полотенцем и иду в спальню.

– Антон, – зову как можно спокойнее, хоть внутри всё кипит.

Он не слышит. Сидит в своём любимом кресле за компьютерным столом. Пальцы бегают по клавиатуре, на голове наушники. Подхожу и снимаю их.

– Эй!

– Я смотрела однушки рядом со своей школой. Не получится взять ипотеку, но можно снять.

Он откладывает наушники и разворачивается ко мне. Смотрит хмуро:

– Мне нужно пространство и тишина. Как ты себе представляешь нас троих в одной комнате?

– Никак, Антон. Я нас троих в последнее время вообще слабо представляю.

– Что это значит? – он складывает руки на груди.

– Тебе будет достаточно пространства и тишины, если мы переедем с Кириллом вдвоём?

– Ты рехнулась? – спрашивает угрожающе. – Совсем берега попутала?

– Иного варианта устроить Кирилла в Москве я не вижу. Там школа и медицинский центр в двух остановках.

– Походит в местную. А про реабилитацию я тебе уже всё,

по-моему, сказал. Эффект будет тот же, и тратить деньги на понты я не собираюсь.

– Не тот же, Антон.

Его глаза наливаются кровью, челюсть напрягается, он шумно дышит. Не привык, что я спорю.

– Забудь, Вика. Всё, я сказал.

Я ему сообщила, что забираю ребенка и ухожу, а он отмахнулся, как от назойливой мухи. Ему всё равно? Или не верит, что у меня хватит духу?

Может нужно было прямо так и сказать: «давай разведёмся»?

Разворачиваюсь и иду на кухню, не видя смысла с ним что-то вообще обсуждать.

Но решение принято, и от этого как будто бы становится легче.

Кирюша появляется на кухне, когда я процеживаю бульон. Он ставит передо мной ту самую злосчастную подставку. Она разрисована в девчачьих цветах – розовый, малиновый, сиреневый.

Сам справился и украсил, как мог. Очень даже красиво.

– Поставишь её у себя на рабочем столе? – спрашивает, переминаясь с ноги на ногу.

У меня улыбка от уха до уха.

– Конечно! – я буре в руки подарок и восхищенно рассматриваю.

Целую своего драгоценного ребенка и прижимаю к себе.

Нас двоих окутывает аура любви и спокойствия. И я не сомневаюсь, что мы со всем справимся. Главное – быть вместе.

– У тебя сегодня нет уроков? – с надеждой спрашивает сын.

– Есть, малыш. Я еду к Зое. А после мы ходим за мороженым и погуляем.

Он утыкается носом мне в живот и обнимает крепко-крепко!

Я с тяжелым сердцем оставляю Кириюшу с непутёвым отцом и бегу на электричку.

А в богатом и на первый взгляд благополучном доме Немировых меня ждёт еще одна драма.

Марья Гринеvская [Папа напрокат. Шанс на счастье](#)

Семь лет они были просто соседями. Она — отчаянно добрая и вечно лезет не в свои дела. Он — майор полиции и отец-одиночка, который разрывается между службой и сыном. У них нет общих планов, тайн, надежд. Пока однажды она не решается на отчаянный шаг. "Женись на мне, Кириллов" - Звучит, как сделка, но детская улыбка легко разрушит любые преграды, даже в сердце того, кто давно разучился любить.

Читатъ *здесь* >>><https://www.litres.ru/book/marya-grinevskaya/papa-naprokat-shans-na-schaste-73363573/>

Глава 3

Глава 3

Лифт пахнет кожей и деревом. В этом доме даже лифты пахнут дорого.

Я поправляю лямку сумки, смотрю на свое отражение в зеркальной стене. Взгляд потухший. Под глазами тени, волосы растрепались от влажности – на улице душно, парит как перед дождем. Торопливо собираю их в кому и затягиваю резинкой. Так-то лучше.

Двери открываются, и я выхожу на этаже Немировых. В холле тихо, только кондиционер гудит. Я нажимаю кнопку звонка.

Ольга открывает почти сразу. И я понимаю: что-то не так.

Она всегда спокойная, приветливая. Но сейчас у нее лицо человека, который только что пережил землетрясение.

– Вика... – говорит она тихо.

– Оль, что-то случилось?

Она оглядывается в квартиру, будто проверяя, не подслушивает ли кто. Понижает голос до шепота:

– Хозяин дома.

Я непонимающе смотрю на нее.

– Занятие отменяется?

– Нет, но... – Ольга мнется, теребит край платья. – Но вы будьте в детской, ладно?

Она не объясняет больше ничего. И я не спрашиваю. Киваю и захожу в прихожую.

В квартире непривычно тихо. Обычно где-нибудь работает телевизор, или Зоя носится по комнатам. Сейчас — ни звука.

Я с опаской поднимаюсь по лестнице.

Зоя сидит на ковре в своей комнате. Не играет, не читает, не смотрит мультики. Просто сидит, обхватив коленки руками, и смотрит в одну точку.

Она оборачивается, когда я вхожу. Глаза красные, щеки мокрые, ресницы слиплись от слез.

– Виктория Вадимовна... – выдыхает она и вскакивает.

Я не успеваю ничего сказать – девочка бросается ко мне и вцепляется в мою руку.

– Вика, забери меня к себе!

– Зоенька...

– Я хочу к тебе! – Голос у нее срывается на всхлип. – Ты добрая, ты хорошая! А папа пусть остается со своей дурой Инессой! Пусть он с ней живет, а я не хочу! Я не хочу их видеть!

– Зоя, тише-тише...

– Инесса опять приезжала! — Зоя уже не говорит, она рыдает, размазывая слезы по лицу. — Она сказала, что будет моей мамой! А я не хочу! Она противная, пахнет мерзко! Папа с ней ругался, а теперь он злится и со мной не разговаривает!

Я сажусь на корточки, обнимаю ее. Чувствую, как мелко дрожит ее тело. Маленькое, худенькое, такое беззащитное в этой огромной комнате с высокими потолками.

Интересно, в детской есть камеры? За нами наблюдают или нет?

– Малышка, – говорю тихо. – Ты чего? Ну кто тебя обидит? Папа тебя любит, ты же знаешь.

– А Инесса? Мне Оля читала сказку про злую мачеху... она меня отдаст...

– А Инесса здесь ни при чем. – Я глажу ее по голове. – Твой папа тебя любит больше всех на свете. Ты же умница, ты же это понимаешь?

– Понимаю, – шепчет она мне в плечо.

– Ну вот. И никто тебя никуда не отдаст.

– Правда? – Она поднимает на меня заплаканные глаза.

– Правда.

Нехорошо, что я тут чужому ребенку обещания даю. Но успокоить нужно, иначе урок и вправду сорвется. По словам Ольги, Немиров искренне любит дочь, так что я ни в чем не соврала.

Зоя всхлипывает еще пару раз и затихает. Я сижу с ней на ковре, обнимаю, и думаю о Кирюше. О том, что я тоже никому не дам его в обиду. Ни свекрови, ни Антону. Никому.

– Давай заниматься? – предлагаю осторожно спустя несколько минут.

Зоя кивает, шмыгает носом. Мы садимся за стол, откры-

ваем тетрадки. Сегодня у нас цифры. Зоя их не очень любит, но старается. Я объясняю, она считает, высовывая язык от усердия. Постепенно дыхание выравнивается, слезы высыхают. Она даже улыбается, когда получается написать красиво.

Мы занимаемся полчаса. Зоя успокаивается окончательно, включается в процесс. Я хвалю ее за каждую правильно написанную цифру, и она расцветает.

– Вика, – говорит она, откладывая ручку. – Пить хочется. Ужасно.

– Хорошо, – я встаю. – Я сейчас принесу.

– Там внизу, – Зоя машет рукой в сторону двери. – Попроси Ольгу, она даст.

Я киваю и выхожу в коридор.

Спускаюсь на первый этаж, иду на кухню. Толкаю дверь и замираю.

Ольги на кухне нет.

На кухне Матвей.

Он стоит у окна, спиной ко мне, и смотрит на улицу. Плечи напряжены, руки в карманах джинсов. Идеально сидящих, между прочим. Как и вполне обычная белая футболка. Подчеркивает широкие плечи, узкую талию. Волосы чуть взлохмачены.

Он оборачивается на звук моих шагов. И я впервые могу рассмотреть его при ярком свете.

Он не просто красивый. В таких мужчин влюбляются с первого взгляда и на всю жизнь.

Видно, что он абсолютно уверен в себе. Это чувствуется во всем: в осанке, в спокойном взгляде, в плавных движениях. Даже в футболке и джинсах он выглядит так, будто сошел с обложки глянцевого мужского журнала. Просто, дорого, безупречно.

Он смотрит на меня совершенно непроницаемым взглядом.

– Здравствуйте. Зоя захотела пить. Я налью воды.

– Здравствуйте, – говорит он. Голос низкий, без интонаций.

Иду к столешнице, чувствуя его взгляд спиной. Беру стакан, наливаю воду.

– Виктория Вадимовна.

Я оборачиваюсь. Он смотрит на меня в упор.

– Я хочу попросить вас кое о чем.

Я молчу, жду.

– Когда вы занимаетесь с Зоей... Учите ее читать, писать, считать. То, за что я вам плачу.

Я сглатываю. Обида поднимается где-то в груди, но я не позволяю ей выйти наружу.

– Я так и делаю, Матвей Алексеевич.

– Вы обсуждали с чужим шестилетним ребенком ситуацию в чужой семье.

Сердце уходит в пятки. Действительно, куда я влезла? Рыдает ребенок, ну и пусть. Чужой же.

– Она плакала. Нужно было успокоить.

– Вас не касается, почему она плачет. – Он делает шаг ко мне. – Вы учительница младших классов. Не детский психолог. Предупреждаю на будущее – не забывайтесь.

У меня внутри все сжимается. Хочется ответить резко, сказать, что он несправедлив, что я просто пожалела ребенка. Но я смотрю на него и понимаю: спорить бесполезно. Он в ярости, он ищет, на ком сорваться, и я просто оказалась рядом.

– Я помню свое место, Матвей Алексеевич, – говорю я спокойно. Холодно. Очень холодно. — Я провожу уроки с вашей дочерью исключительно в рамках своих профессиональных навыков. Личных вопросов вашей семьи я не касаюсь.

Он смотрит на меня. Очень долго. В его глазах что-то меняется – мелькает удивление, может быть, даже тень сожаления. Но я уже отвернулась.

– Я отнесу воду Зое, – говорю я и выхожу из кухни.

Похоже, это моё последнее занятие с дочерью Немирова.

В коридоре останавливаюсь, делаю глубокий вдох. Руки чуть дрожат. Не от страха — от обиды. Я ничего плохого не сделала. Просто пожалела ребенка.

Я возвращаюсь в Зоину комнату. Она пьет воду, смотрит на меня внимательно.

– Вика, ты какая-то странная.

– Все нормально, солнышко. – Я улыбаюсь. – Давай допьем и еще немножко позанимаемся.

Мы занимаемся еще полчаса. Зоя старается, хотя видно, что она устала. Но когда я закрываю тетрадки и говорю, что пора заканчивать, она вдруг снова становится серьезной.

– Вика, – говорит она тихо. – А ты придешь еще?

Я не знаю, что ответить. Вдруг я уже уволена?

Зоя молчит секунду, а потом бросается мне на шею.

– Не хочу, чтобы ты уходила, – шепчет она. – Ты можешь забрать меня к себе?

Бедный ребёнок. Что же там за Инесса такая?

Снова с трудом успокаиваю малышку. Обнимаю, глажу по спинке. Уже всё равно, как это расценит ее отец.

Быстро собираю вещи. Зоя провожает меня до двери комнаты, машет рукой. Я спускаюсь вниз, быстро прощаюсь с Ольгой – та смотрит на меня виновато, но ничего не говорит. Наверное, что-то услышала?

На улице – снова дождь.

Да что за лето такое?! Погода как раз под настроение!

Настоящий ливень, летний, теплый. С неба льет как из ведра, асфальт парит, пузыри вскакивают и лопаются в лужах. Я стою под козырьком подъезда, смотрю на потоки воды и думаю, что зонт опять забыла. Вечно я все забываю.

Делать нечего – надо бежать. Я поджимаю сумку поближе и делаю шаг под дождь.

– Виктория!

Оборачиваюсь.

Матвей выходит из подъезда. Под дождь. Тоже без зонта.

Волосы сразу намокают, темнеют, футболка начинает прилипать к плечам. А ему хоть бы что – идет ко мне по лужам, будто это не ливень, а мелкий приятный дождик.

– Виктория Вадимовна, подождите!

Он подходит, встает рядом. Дождь лупит по нам обоим, а он даже не морщится.

– Вы промокнете, – говорю я,

– Вы тоже. – Он смотрит на меня сверху вниз. Вода стекает по его лицу, падает с подбородка. – Я хочу извиниться.

Я молчу.

– То, что я сказал на кухне... это было грубо и незаслуженно. — Он говорит серьезно, хмурится. – Я был неправ.

– Да, неправы, – я пытаюсь выдавить улыбку. – Я побегу, если ко мне вопросов больше нет.

– Давайте, довезу вас?

– Не надо.

Немиров вдруг хватает меня за локоть и ведет куда-то в сторону, к парковке.

Через секунд десять мы оказываемся под крышей.

Я смотрю на него. На этого красивого мужчину под дождем, который смотрит на меня так, будто ему правда важно, что я отвечу. У него темные глаза, мокрые ресницы, и от него пахнет дорогим парфюмом даже сквозь запахи улицы.

– Я настаиваю.

Мой рот открывается будто бы сам по себе:

– Хорошо.

Мы идем к машине. Я вижу ее — и у меня перехватывает дыхание. Совсем не разбираюсь в марках, но эта... это что-то невероятное. Черный, огромный, блестящий танк.

Немиров открывает передо мной дверь, подает руку, помогает сесть. Салон пахнет кожей и чужим мужчиной. Сразу становится тихо, тепло, сухо.

Матвей садится за руль, заводит двигатель. Машина трогается бесшумно.

– Куда едем? – спрашивает он.

Я называю адрес своего города. Он вбивает в навигатор, и мы выезжаем со двора.

В машине негромко играет музыка. Дождь стучит по крыше, дворники шоркают по стеклу. Я смотрю в окно на мокрую Москву и молчу. Он тоже молчит.

– У Зои сейчас вместо матери – няня. Я большую часть времени работаю.

Я слушаю.

– Она тяжело сходится с людьми. А вас — приняла сразу. Это хорошо, но... поймите меня правильно. Я не хочу, чтобы она питала иллюзии на ваш счет.

– Поясните.

Он поворачивается ко мне на секунду.

– Я склонен видеть фальшь и корысть в поступках людей. Но шестилетнему ребенку такое распознать не под силу. Зато она запросто может принять желаемое за действительное...

У меня, наверное, глаза на лоб полезли. Он меня тоже шестилеткой по уму считает, как и свою дочь?

– То есть...

– То есть, перепутать вежливость с искренним материнским участием.

О Боже! В каком мире существует этот роскошный мужик, раз ему в простых объятиях чудится корысть и злой умысел?

– У меня не было намерений вводить в заблуждение ни вас, ни вашего ребенка, Матвей Алексеевич.

– Уже понял, Виктория Вадимовна.

Угу, ври больше. Ты понял, что напрасно нахамил, вот что.

Мы выезжаем за МКАД. За окном мелькают вывески придорожных кафе, рекламные щиты. Молча смотрю в окно.

Поначалу неловко с этим мужчиной после неприятного разговора. Но вскоре становится все равно. Я устала и единственное, что меня волнует – скорее бы обнять Кирюшку.

Минут через двадцать пейзаж меняется – начинаются старые дома, гаражи, облезлые остановки, ржавые заборы, лужи во весь двор. Бывал когда-нибудь в подобных местах?

Дорога вся в ямах, машину потряхивает. Бросаю взгляд на Матвея – он смотрит прямо перед собой, лицо спокойное, сосредоточенное.

– Здесь направо, — говорю тихо. – И прямо до конца.

Он сворачивает. Мы подъезжаем к моему подъезду. Девя-

тиэтажка с облупившейся краской, старая детская площадка, качели на одной цепи. И среди всего этого – огромная отполированная машина Немирова, которая смотрится здесь как космический корабль.

Я уже тянусь к ручке двери, когда замечаю ее.

Свекровь.

Следующая книга Литмоба «Чужих детей не бывает»:

Лана Блэр

Осколки фальшивого Рая

Дамир. Я привык держать все под контролем, но мой мир рухнул в одночасье. Я запер себя в стенах холодного дома, решив, что мое сердце мертво, пока в нем не поселилась она — та, кто нарушила все мои правила.

Инесса. Я пришла, чтобы спасти маленькую девочку от одиночества, но не заметила, как сама стала частью этой семьи. Я полюбила чужого ребенка как своего и отдала сердце мужчине, чья броня казалась непробиваемой.

Между ними непреодолимое притяжение и сотни преград. Им предстоит разрушить фасад идеального прошлого и собрать новую жизнь из осколков фальшивого Рая, доказав всем, что настоящая любовь не знает границ.

<https://www.litres.ru/book/ana-bler/oskolki-falshivogo-roya-73369178/>

Глава 4

Следующие три дня ничего не происходит. Я была уверена, что свекровь расскажет Антону про то, что меня подвожил незнакомый мужчина, а тот устроит разборки. Но нет, тишина.

Либо она не рассказала, что вряд ли. Либо ему всё равно. С мужем я почти не разговариваю. Мы существуем в одной квартире, как два призрака, которые стараются не сталкиваться в узком коридоре. Он – уткнувшись в монитор и делая вид, что ничего не произошло. Я – лихорадочно обновляя приложения по аренде недвижимости.

Реальность кусается. Цены на московские «однушки» заоблачные. За те деньги, что я могу наскрести, предлагают либо «бабушкин вариант» с коврами на стенах и тараканами в придачу, либо студии размером со шкаф где-то в Новой Москве, откуда добираться до школы дольше, чем сейчас на электричке.

– Мам, а папа починит мой самокат? – спрашивает утром Кирюша, ковыряя вилкой остывшую кашу.

Я глажу его по вихрастой макушке, сглатывая ком в горле. Когда еще он сможет на нём покататься?

– Не знаю, зайчик. Давай я попробую вечером сама посмотреть?

Надеяться на Антона глупо. Я понимаю это отчетливо, как

никогда. Если я хочу вытащить сына – мне нужно делать это самой. Даже если придется надорваться.

В клубный дом Немировых я вхожу с трепетом. После того случая с ливнем и поездкой в его машине меня не покидает странное чувство неловкости. Как будто я приоткрыла дверь в чужой мир, в который мне вход воспрещён, и меня вот-вот погонят оттуда метлой.

Но сегодня в «замке Снежной Королевы» – так я про себя называю стерильно-идеальную квартиру Матвея Алексеевича – царит хаос.

Едва я переступаю порог, как слышу плач Зои и причитания няни.

– Я не буду это есть! Оно зеленое и воняет! – звенит детский голосок из кухни.

– Зоенька, но повар заболел, а я не умею готовить лазанью! Это полезное суфле из индейки со шпинатом! – оправдывается Ольга.

Я заглядываю на кухню. Картина маслом: заплаканная Зоя сидит перед тарелкой с чем-то подозрительно бурым и зеленым, а няня в растерянности разводит руками.

– О, Вика! – Зоя, увидев меня, спрыгивает со стула и бросается ко мне, обхватывая за ноги. – Спаси меня! Оля хочет меня отравить!

– Ну что ты выдумываешь, – вздыхает няня, виновато глядя на меня. – Вика, привет. Слушай, у нас ЧП. Повар слёг с температурой. Я попыталась полезный ужин сделать, по ре-

цепту, но... – она косится на тарелку. – Кажется, пересушила. И выглядит, честно говоря, так себе.

– Я хочу блинчики! – топает ножкой Зоя. – С хрустящим краешком! Как в книжке! Вика, ты умеешь готовить блинчики?

Я улыбаюсь, глядя в эти полные надежды глаза.

– Умею. Самые хрустящие в мире.

– Ура! – Зоя хлопает в ладоши.

Ольга выдыхает с облегчением, но тут же начинает суетиться:

– Ой, Вик, неудобно как-то, ты же учительница, а не кухарка... Да и Матвей Алексеевич не любит, когда на кухне посторонние...

Я скидываю жакет, оставаясь в простой футболке, и решительно направляюсь к рукомойнику.

– Матвей Алексеевич голодным ребенком будет недоволен еще больше. Оль, где у вас мука и яйца?

Через десять минут эта кухня, похожая на операционную с её хромом и черным мрамором, перестает быть пугающей. Она наполняется звуками и запахами.

Зоя сидит прямо на столешнице (я разрешаю, хотя няня охает), болтает ногами и старательно мешает венчиком тесто. Мука везде – на её носу, на моем фартуке, на полированном столе.

– Вика, смотри, пузырьки!

– Отлично, теперь добавляем секретный ингредиент.

– Какой?

– Ваниль, – я подмигиваю ей. – Чтобы пахло как в настоящей кондитерской.

Шкворчит масло. По дому, обычно пахнущему дорогим кондиционером, плывет одурманивающий, теплый, сладкий аромат домашней выпечки.

Я ловко переворачиваю тонкие золотистые круги на сковородке, подкидывая их в воздух. Зоя визжит от восторга.

– Еще! Подкинь еще!

Я смеюсь вместе с ней, забыв про свои проблемы, про ипотеку, про мужа-предателя. Здесь и сейчас есть только тепло плиты и счастливый ребенок.

– Кажется, я попал не в ту квартиру.

Глубокий, бархатный голос заставляет меня вздрогнуть. Я едва не роняю лопатку.

В дверях кухни стоит Матвей.

Он уже снял пиджак, перекинув его через плечо, верхняя пуговица рубашки расстегнута, рукава закатаны. Вид уставший, но глаза... Он смотрит не на беспорядок. Он смотрит на нас.

На секунду повисает тишина, нарушаемая только шипением теста на сковороде.

Мне становится жарко. И не от плиты. Я вдруг осознаю, как выгляжу: растрепанная, с пятном муки на щеке, в чужом, слишком большом фартуке, хозяйничаю в его святая святых.

– Папа! – Зоя соскакивает со столешницы и подбегает к

нему. — Мы печем блины! Вика волшебница! Оля хотела меня отравить брокколи, а Вика спасла!

Матвей переводит взгляд с дочери на меня. В его темных глазах плещется что-то непонятное. Удивление? Или что-то еще?

– Волшебница, значит? – переспрашивает он, не сводя с меня глаз.

– Простите, Матвей Алексеевич, – я пытаюсь стереть муку со щеки, но, кажется, только размазываю её сильнее. – Ваш повар заболел, а Зоя очень хотела блинов. Я решила... проявить инициативу.

Он медленно проходит вглубь кухни. Подходит ко мне почти вплотную. От него пахнет дождем, кожей салона авто и дорогим парфюмом. Этот запах странным образом смешивается с ароматом ванили, и у меня кружится голова.

– Пахнет... – он втягивает носом воздух, прикрывая на секунду глаза. — Вкусно.

Он открывает глаза и смотрит на стопку золотистых блинов.

– Можно мне тоже?

Мы садимся ужинать прямо на кухне, за островком, проигнорировав огромную пафосную столовую.

Я наблюдаю за ним исподтишка. Властный, жесткий бизнесмен, который на прошлой встрече казался мне ледяной глыбой, сейчас сидит на высоком барном стуле и с нескрываемым удовольствием ест мои блины.

Он не пользуется ножом и вилкой. Сворачивает горячий блин трубочкой, макает его в пиалу с густым цветочным медом и отправляет в рот.

Капля меда стекает по его пальцу. Я замороженно слежу за этим движением. Матвей перехватывает мой взгляд. Уголок его губ вздрагивает в полуулыбке. Он подносит палец к губам и слизывает сладкую каплю, глядя мне прямо в глаза.

Меня словно током ударяет. Под рёбрами появляется неясное жжение. Боже, о чем я думаю?! Это просто еда!

– Вкусные, – хриловато произносит он. – Не помню, когда в последний раз ел что-то подобное. Спасибо, Виктория.

– Пожалуйста, – мой голос предательски дрожит.

– А у тебя есть дети? – вдруг спрашивает Зоя, вытирая перепачканный сметаной рот.

Вопрос застаёт меня врасплох. Матвей тоже замирает, перестав жевать.

– Есть, – отвечаю я мягко. – Сын. Его зовут Кирилл. Он почти твой ровесник, ему семь лет. Тоже в сентябре в первый класс пойдёт.

– Здорово! – Зоя округляет глаза. – А он тоже любит блины?

– Обожает. Особенно с вишневым вареньем. – Я улыбаюсь грустной улыбкой, вспомнив, как давно не пекла Кирыше ничего вкусного из-за вечной нехватки времени. – Он сейчас ждет меня дома.

– Везет ему, — вздыхает Зоя и смотрит на отца. – Пап, а

почему у Вики есть сын, а у меня нет братика? Или друга?
Мне так скучно одной!

Матвей напрягается. Тема явно для него болезненная.

– Зоя, ешь.

– Ну пап! – не унимается она. – А можно я познакомлюсь с Кириллом? Мы могли бы заниматься вместе! Вика бы нам двоим объясняла, и было бы веселее! Правда, Вика?

Я теряюсь.

– Ну... я не знаю, Зоя. Кирилл сейчас... он немного приболел. У него ножка болит после перелома, он плохо ходит.

– Бедненький! – искренне восклицает девочка. – Тем более! Мы будем играть в тихие игры. Пап, ну пожалуйста!

Я смотрю на Матвея, ожидая резкого отказа. Он ведь ясно дал понять в прошлый раз: никаких личных связей, никакой дружбы, я здесь – наемный персонал.

Немиров откладывает салфетку. Он смотрит на меня, словно сканирует. Изучает. В его взгляде нет прежнего холода или подозрительности. Там задумчивость. Будто он взвешивает что-то важное. Решает уравнение, в котором я – неизвестная переменная.

– Вместе, говоришь? – медленно произносит он.

– Да! Пожа-а-алуйста!

Матвей переводит взгляд на дочь, потом снова на меня. И едва заметно кивает.

– Я не против, – ровно говорит он. – Если Виктория Владимовна сможет организовать совместный урок. И если Ки-

рилл сможет приехать.

У меня перехватывает дыхание. Он... пустит моего сына в свой дом? В этот стерильный музей?

– Спасибо, – выдыхаю я. – Он будет счастлив. Ему сейчас очень не хватает общения.

Матвей ничего не отвечает. Просто берет еще один блин, макает его в мед и снова смотрит на меня так, что мне хочется немедленно спрятаться. Или, наоборот, подойти ближе.

В этот вечер я ухожу из дома Немировых с сумасшедшей мыслью: мне не хочется возвращаться в свою квартиру. Мне хочется остаться здесь, где пахнет ванилью, и где на меня странным взглядом смотрит этот загадочный мужчина.

Следующий роман литмоба «Чужих детей не бывает»:

Татьяна Тэя

Диагноз любовь. Спасти семью в годовщину разрыва

Анно: Мы расстались с Катей почти два года назад. Я поступил очень некрасиво, встретил свою первую любовь и чуть не потерял голову. Этого было достаточно, чтобы всё рухнуло.

Я уехал из столицы в родной город, руковожу хирургическим отделением в первой городской больнице, борюсь за жизни людей, пока в один прекрасный день не раздаётся звонок и мне сообщают, что по просьбе бывшей жены мне надо приехать и забрать ребёнка. Одиннадцатимесячную девочку, которая может быть моей?

ЧИТАТЬ ТУТ — ТЫЦ!

Глава 5

Две недели пролетели в сумасшедшем ритме. Я жила на адреналине, подстегиваемая одной-единственной целью: вырваться.

И у меня почти получилось.

Вчера я тайком встретилась с Марьей Ивановной — сухонькой, интеллигентной старушкой, которая сдаёт комнату в сталинском доме, прямо в том районе, где находится моя гимназия. Комнатка небольшая, с высоченными потолками и старым паркетом. Там пахнет нафталином и старыми книгами, но это центр! И цена смешная — Марье Ивановне нужна не столько квартирантка, сколько живая душа рядом. Осталось продержаться всего ничего. Перевезти вещи, забрать документы.

Дома атмосфера сгустилась настолько, что воздух казался ядовитым. Антон пил почти каждый день. Его комната превратилась в берлогу, усеянную пустыми банками. Он цеплялся ко мне по любому поводу: не так посмотрела, громко поставила чашку, поздно пришла.

Но обиднее всего за ребёнка.

В воскресенье было солнечно, по-настоящему тепло. Мы с Кирюшкой собирались во двор. Сын, увидев в окно, как папы катают детей на велосипедах, заковылял к двери спальни отца.

– Пап, там солнце... Пойдем с нами погуляем? Хоть до лавочки?

Антон даже не обернулся от монитора.

– Я занят.

– Ну пап, пожалуйста... Пять минуточек.

– Ты глухой? – рявкнул муж так, что задрожали стекла. – Достал своим нытьем!

Кирюша вылетел из комнаты, зажав рот ладошкой, чтобы не зарыдать в голос. Я нашла его в ванной, сидящим на коврикe. Он плакал беззвучно, горько.

– Мам, почему он меня не любит? Я же ничего не сделал...

В тот момент мне стало очевидно: если я не увезу его сейчас, я не прощу себе этого никогда.

Многие ученики разъехались по дачам и курортам. Кроме Зои Немировой у меня осталось еще два ребенка, остальные взяли перерыв.

Однажды, когда Кирюшу совсем не с кем было оставить (свекровь уехала, а Антона я боялась), я решилась взять его с собой.

Я ждала, что Матвей будет против. Но он, увидев моего сына, опирающегося на трость, лишь молча кивнул и... приказал накрыть детям стол в гостиной. Зоя была в восторге. Они с Кирюшей склонились над прописями, хихикали, шептались. Матвей пару раз заглянул, проходя мимо по коридору. Молчаливый, как всегда закрытый, но смотрел без той безразличности, которой я боялась.

А сегодня он вручил мне коробку.

– Это для работы. Зоя сказала, что ваши учебные программы виснут.

Ноут, с которым я приезжала на занятия, тормозил пострашному. Неудивительно, что Зоя пожаловалась папе.

– Матвей Алексеевич, это слишком дорого, я не могу...

– Это рабочий инструмент. Загрузите туда всё, что нужно для Зои. Пароль на стикере.

И вот теперь я везу этот ноутбук домой, прижимая чехол к груди, как величайшую драгоценность. Не дай Боже кто-то выхватит!

Открываю дверь своим ключом, мечтая только об одном: быстро проскользнуть в комнату, не встретившись с мужем.

В квартире темно и тихо.

В нос ударяет тяжелый удушливый запах. Такой густой, что хоть топор вешай. Я щелкаю выключателем в прихожей.

Антон стоит в дверях спальни, привалившись плечом к косяку. В растянутых домашних шортах, глаза красные, взгляд расфокусирован. Пьяный в стельку.

Сердце ухает куда-то в пятки.

– Где Кирилл? – быстро спрашиваю, не разуваясь.

– У матери, – язык у него заплетается, он едва ворочает им во рту. – Чего так поздно, а?

– Я работала. Ты же знаешь.

– Работала она... – он криво усмехается, отлипает от косяка и делает неуверенный шаг ко мне. – Думаешь, я не знаю,

где ты шляешься? Кому «уроки» даешь? Мать видела, как ты из тачки выходила!

– Антон, иди проспись.

Я пытаюсь обойти его, чтобы попасть в детскую. Но он вдруг проявляет неожиданную прыть. Хватает меня за локоть, больно сжимая пальцы.

– Стоять! Я с тобой разговариваю!

– Больно, отпусти!

– Больно ей... А мне не больно?! – орет он мне в лицо, обдавая смрадом. — Королева нашлась! В центр она хочет, в Москву она хочет! А муж тебе не нужен?!

Его мутный взгляд падает на чехол, который я так и не выпустила из рук. Антон на глазах свирепеет. Наверное, заметил логотип.

– Это че? – он рвет сумку на себя.

– Не трогай! Это чужое!

– Чужое?! – Он с рыком выхватывает ноутбук, освобождает от чехла, рассматривает. – Откуда у тебя это?! Твой хахаль подарил?! За какие такие услуги?!

– Это для работы! Антон, отдай, пожалуйста! – я вцепляюсь в его руку, пытаюсь разжать пальцы. Меня колотит. – Родители ученицы дали на время занятий!

Мы недолго боремся. Он с такой силой хватает меня за запястье и выворачивает его, что у меня искры из глаз от боли.

– Дали на время... – передразнивает он, и его лицо пере-

кашивает от бешенства. – Знаю я, куда тебе дали! Сука!

Он с силой отталкивает меня. Я отлетаю к стене, больно ударяясь плечом о вешалку. Антон размахивается.

– Нет!!!

Антон со всей дури швыряет ноутбук в большое овальное зеркало в прихожей. Оно взрывается мириадами осколков.

Звон разбитого стекла кажется оглушительным. Серебристый корпус ноутбука с хрустом врежется в раму и падает на пол вместе с битым стеклом.

В ту же секунду я чувствую резкое жжение. Что-то течет по виску, по щеке, за воротник блузки. Я подношу руку к лицу. Пальцы окрашиваются красным. Кровь. Осколок зеркала резанул меня по виску. И шее!

Этого еще не хватало! Поверить не могу, что это происходит наяву!

Антон замирает, тяжело дыша, грудь ходит ходуном. Он смотрит на кровь на моем лице, и в его глазах на секунду мелькает испуг, тут же сменяющийся тупой, животной агрессией.

– Довела... – хрипит он. – Сама виновата!

В дверь начинают колотить. Громко, требовательно.

– Открывайте! Что у вас там происходит?! – Голос дяди Паши, соседа снизу.

Антон дергается, сжимает кулаки, но я, шатаясь, рву к двери и щелкаю замком. На пороге стоят дядя Паша, крепкий мужик в майке-алкоголичке, и тетя Люба, его жена.

Тетя Люба ахает, прижав пухлые ладони ко рту:

– Вика! Господи, кровь! Он тебя побил?!

– Тихо вы... – Антон пытается надвинуться на соседа, бы-
чась, но дядя Паша, бывший военный, без лишних разгово-
ров скручивает ему руки за спину и с силой впечатывает ли-
цом в стену.

– Спокойно, герой. Довоевался.

Антон воет, матерясь.

– Вика, деточка, – суетится соседка, хватая меня за плечи.

– Надо скорую! И полицию! Сейчас я вызову...

– Нет! – кричу я, размазывая кровь рукавом по щеке. – Не
надо полицию. Пожалуйста. Не сейчас.

Если приедет полиция – это протоколы, расспросы, осви-
детельствование. Это на всю ночь. Антон протрезвеет и нач-
нет врать.

Я не выдержу здесь больше ни минуты! Мне нужно за-
брать сына. Прямо сейчас.

– Дядь Паш, – я смотрю на соседа умоляюще. – Подержите
его. Просто не выпускайте из комнаты десять минут. Я уйду.

Сосед смотрит на мой окровавленный висок, на разбитое
вдребезги зеркало, на технику на полу, на пьяного в хлам
Антон. Кивает сурово.

– Давай. Собирайся. Я его посторожу. А ты, Люба, помоги
ей.

Дядя Паша волоком затаскивает упирающегося и брыз-
жущего слюной Антона в спальню и подпирает дверь собой.

Оттуда доносятся глухие удары и отборный мат.

Меня трясет крупной дрожью. Вместе с тетей Любой мы бросаем вещи в спортивные сумки. Бельё, документы, детские лекарства, пара моих платьев. Руки не слушаются, все валится.

Я забегаю в ванную, плещу ледяной водой в лицо, смывая кровь. Порез на виске глубокий, кровь не останавливается. Я кое-как леплю пластырь, который тут же промокает, натягиваю капюшон толстовки, чтобы не пугать людей на улице.

– Спасибо, – выдыхаю соседке, хватая объемные сумки.

– Беги, девочка, – крестит меня тетя Люба, в глазах у нее слезы. – Беги от этого ирода.

Я выскакиваю в подъезд и бегу к соседнему дому, где живет свекровь. Сумки оттягивают плечи, в виске пульсирует боль.

Дверь открывает Изольда Геннадьевна. Она в халате, с чашкой чая в руках. Телевизор бубнит за спиной. Увидев меня – бледную, с баулами, с капюшоном, надвинутым на глаза, – застывает.

– Ты чего такая растрёпанная? – хмурится она. – Сумки зачем?

Кирюша выглядывает из комнаты.

– Мама?

– Кирилл, одевайся. Быстро. Мы уходим.

– Куда? – не понимает свекровь, загораживая проход своим мощным телом.

– Подруга пригласила в гости с ночевкой, – повторяю твердо, проталкиваясь в квартиру. – Кирилл, кофту!

Сын, видя мое состояние, больше не задает вопросов. Он испуганно хлопает глазами, но тут же начинает натягивать штаны.

— Да что происходит?! — возмущается Изольда Геннадьевна, хватая меня за руку. — Антон отпустил? Ребенка тащишь неизвестно куда!

При упоминании имени мужа меня накрывает ледяной волной ярости. Я больше не жертва. Я мать, которая спасает своего детеныша.

Сбрасываю капюшон.

– Смотрите, — тихо говорю, поворачиваясь к ней разбитым виском. Пластырь уже отклеился, алая струйка бежит по шее.

Свекровь отшатывается, побледнев. Чашка в её руке опасно кренится.

– Это... это что?

– Это ваш сын. Он пьян, разбил зеркало. И меня едва не...

– Не может быть... – шепчет она, хватаясь свободной рукой за сердце. – Он не мог... Ты сама его довела! Ты...

– Хватит! – рявкаю я так, что она осекается. – Изольда Геннадьевна, я забираю своего ребенка. Если вы попытаетесь меня остановить, я напишу заявление на Антона, свидетели есть.

В квартире повисает звенящая тишина. Свекровь смотрит

на меня широко раскрытыми глазами, в которых плещется ужас. Она видит, что я не шучу. Что той терпеливой, безропотной Вики больше нет.

Она молча отступает в сторону. Приваливается к стене, словно из ее груди выпустили весь воздух.

Кирюша, уже одетый, подбегает ко мне и вцепляется в мою руку. Он дрожит.

– Мамочка, у тебя кровь...

– Всё хорошо, родной. Это царапина. Пойдем.

Я подхватываю сумки. У порога оборачиваюсь.

Свекровь выглядела старой и жалкой. Но мне есть за что быть ей благодарной.

– Спасибо, что посидели с Кирюшей, – говорю сдавленно.

– Когда доедем, я позвоню.

Притихшая Изольда Геннадьевна выходит вместе с нами из подъезда. Мы с Кирюшей идем на остановку. Она, поцеловав внука, спешит к ненаглядному сыночку. В квартиру, в которую, надеюсь, мы больше не вернёмся.

Читайте следующую книгу литмоба "Чужих детей не бывает":

Елена Грасс [Всё смогу. Или на что способна любовь](#)

Наша жизнь казалась безупречной: мы достигли высот в профессии, жили в полной гармонии и искренне любили друг друга.

Всё рухнуло в тот момент, когда врачи поставили жир-

ную точку в наших надеждах стать родителями.

После таких новостей уютный мир трещит по швам.

То, что раньше имело смысл: карьера, хорошая квартира, планы на будущее — вдруг обесценилось.

А я стою перед выбором: отпустить любимого человека, чтобы он обрёл счастье с другой женщиной, или продолжать бороться за брак, в котором никогда не будет материнства.

ЧИТА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.